

«МЫ НЕ ЧУДОВИЩА»

ветский транспорт с помощью террора. Но разве стахановское движение – это террор? Как можно такое говорить? Есть люди, которые бросают страшные ярлыки на историю, будто выпивают стакан воды. Я так не могу. Я не такой. Я человек темпераментный, и если даю волю чувствам, могу разозлиться, раздражиться или расчувствоваться. И я расчувствываюсь. Да, расчувствываюсь. Когда слышу, что говорят вокруг, мне хочется позвать рабочих, железнодорожников, товарищей. Хочется говорить. Но я должен себе это запретить. Боюсь, что если начну, потеряю контроль, мне станет слишком плохо... Недавно я не спал всю ночь после того, как услышал по телевизору глупости, которые нес какой-то депутат...

Как бы вы отреагировали на забастовки шахтеров?

Это тоже заставляет меня страдать. Каждая забастовка – это рана для меня. Я очень хорошо знаю, что такое шахта. Что такое уголь, что значит добывать его из-под земли. Я спускался в шахты вместе с рабочими, знаю, в каких условиях работают эти бедняги. Но, несмотря на это, я не могу согласиться с забастовками. У меня словно раздвоение. Что мне делать? Одобрять их, не одобрять? Конечно, я не могу сказать, что это хорошо. Но в то же время они оказались в таком трудном положении. Дело в том, что уголь так важен для страны. Если шахтеры бастуют, что с нами будет? А если забастуют железные дороги? Все эти мелкие подонки, что крутятся вокруг забастовок, включая Роя Медведева, им плевать на забастовку, на перебои с железнодорожным движением или что-то еще. Но для народа это другое дело.

Что вы думаете о нынешнем правительстве премьер-министра Рыжкова?

Я видел по телевизору недавнее заседание Совета министров. Сидел перед экраном и испытывал жалость, негодование. Бедный Рыжков! Он говорил: «Товарищи, так дальше невозможно, если так пойдет, страна будет разорена, разрушена. Нужен порядок, законность...» Но зачем так волновать народ? Зачем его пугать?

Премьер-министр должен назвать имена виновных, заставить расплатиться мерзавцев, которые разворовывают, не отправляют продукты или материалы, судить их, отправить в тюрьму на десять лет, этих негодяев... А вместо этого – всеобщий плач.

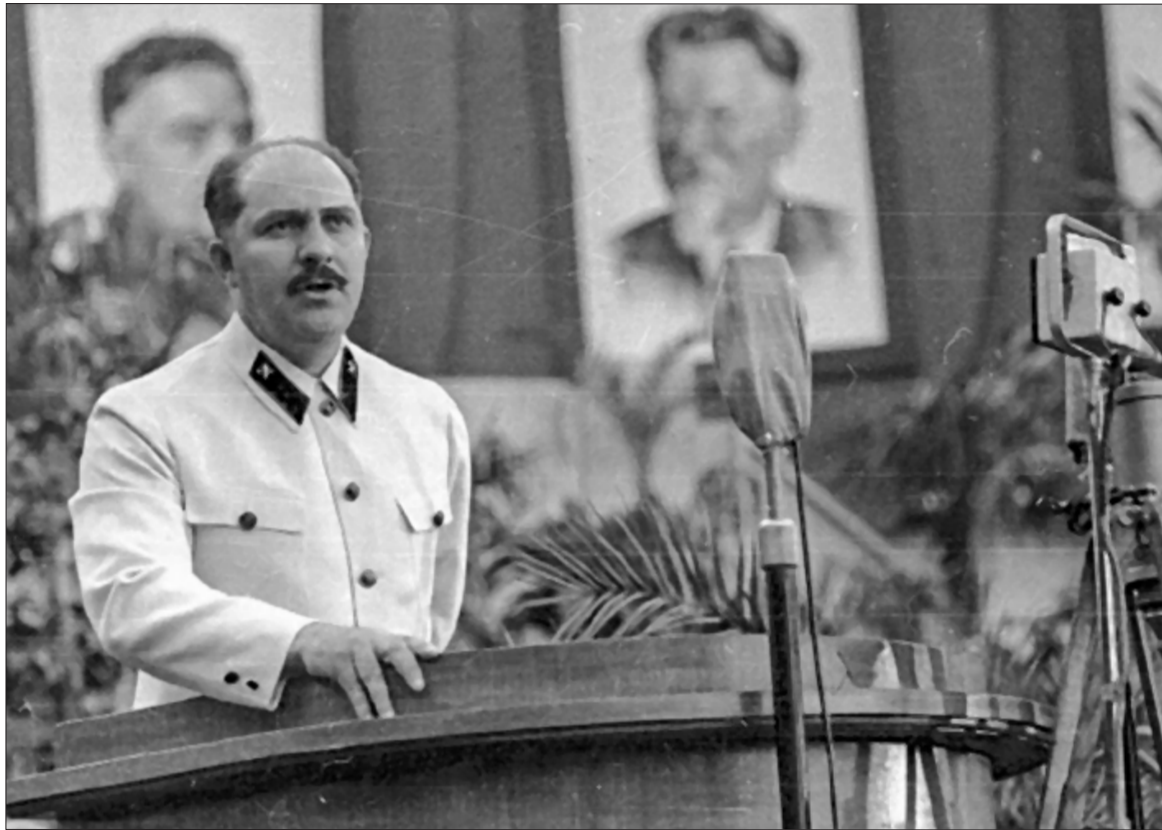
Слышу, как другой министр говорит: «С 1988 года в таком-то порту пропадают товары». А где ты был, министр, все это время? Как ты такое допустил? И каждый раз в конце таких обсуждений говорят, что все беды в стране – из-за... Сталина. Это мораль каждого выступления: виноват Сталин, это был Сталин, Сталин, Сталин, все на него вальт. Но Сталин умер тридцать пять лет назад! Тридцать пять

лет! Какое он имеет отношение к сегодняшним бедам?

Многие вспоминают сталинизм с ужасом...

Народ всегда плохо настроен к тому, что было в прошлом. Вот и говорят, что все, кто тогда командовал, были чудовищами. Сталин – чудовище. Молотов – чудовище. Калинин – чудовище. Каганович – чудовище. Очерняют все прошлое, абсолютно все, вплоть до критики Октябрьской революции. Конечно, у народа есть причины протестовать, быть недовольным. Но народ надо вести за руку, его надо направлять, как говорили раньше,

надо спросить: почему умер царизм? Потому что ему нечем было кормить армию. Не было одежды, чтобы ее одеть. Это была голая, босая и голодная армия, царская, и ей нечем было стрелять. А мы в борьбе с нацизмом, после отступлений, начали наращивать, наращивать, наращивать нашу военную мощь и отправили на фронт десятки тысяч орудий. Когда мы штурмовали Берлин, это был небывалый по силе и мощи удар. Откуда мы взяли все эти танки и самолеты? Без политики Сталина мы бы ничего не добились, все бы погибли.

Что стало бы с СССР, если бы мы не сделали за десять лет то, на что обычно нужно пятьдесят или шестьдесят лет? Фашизм не ждет, он бы не стал ждать. Наша страна была бы уничтожена. И все эти дерьмовые патриоты сегодня этого не понимают, как не понимают этого многие коммунисты. Надо было идти путем Бухарина, говорить, путём Кондратьева... Ну и что бы случилось, если бы мы пошли их путём? Нас бы раздавили, я в этом глубоко убеждён. Нас бы раздавили на пятьсот лет, это было бы хуже татарского ига. Вот что стало бы с Россией. Мы выиграли два года благодаря пакту Риббентропа-Молотова, два года с 1939 по 1941-й, решающие для развития промышленности, для укрепления транспорта. Но теперь проще обвинить во всем Сталина и его эпоху.

У вас никогда не было сомнений насчет арестов той эпохи, насилия и жертв кампании по коллективизации деревень?

Первое, что надо помнить, – коллективизация была продол-

жением ленинской линии. Были ли перегибы? Да. Но где и когда их не бывает? Они есть всегда. Когда ведешь войну, трудно заранее сказать, сколько патронов ты выстрелишь. Враг захватывает наш город, мы должны его отбить. Но в городе наши люди, невинные, которые могут погибнуть при штурме. Армия все равно крикнет: «В атаку!», потому что так надо, в любой войне. Да, в итоге страдают и невинные. Были невинные жертвы при коллективизации земель. Но были и богатые крестьяне, влиятельные, связанные с церковью, которые мешали, препятствовали. Что было делать? А в промышленности были саботажники. Сегодня многие историки это отрицают, но это правда. Саботаж был, и, скажу больше, он есть и сейчас. Может, у меня

торый стоит прямо, крепко, и его достаточно немного подправить. Вот такая моя перестройка. Горбачёв многое изменил в этом здании.

Горбачёв говорит, что интересы человечества выше интересов класса. Дорогие мои, Маркс и Ленин правильно трактовали понятие класса. Единственный класс, заинтересованный в социальном, человеческом прогрессе, – это пролетариат. Потому что у него ничего нет, кроме десяти пальцев его рабочих рук. Поэтому его борьба, борьба класса, была также борьбой всего человечества. Классовая борьба – это настоящая борьба за демократию.

Лазарь Моисеевич, мы накануне годовщины Октябрьской революции, которую в этом году многие не хотят больше праздновать...

Вот в чём суть. Все стало таким лаконичным, таким банальным. Красный Октябрь... Но какой октябрь? Их было несколько. Октябрь 1905 года. Социалистическая революция Октября. Термин «октябрьская революция» не выражает всего. Нельзя никогда убирать слово «социалистическая». А сегодня все безнаказанно называют себя социалистами, абсолютно все! У нас есть христианские социалисты, демократический союз социалистов, социал-демократы и так далее. Но что значит «социальное», «социалистическое», знаем только мы.

Вы всё ещё убеждены, что в итоге социализм победит?

Победит, безусловно. Возможны отступления, история не исключает зигзагов, но в конце концов социализм восторжествует. У нас ещё огромные ресурсы. Главное – не отдавать основную силу нашего общества, государственную собственность на заводы, на землю. Как говорил Ленин, пока у нас есть власть рабочих, заводы и земля, мы победим. Я верю в силу нашей партии. Верю! Лишь бы власть рабочих не растравили и не отдали Афанасьевым и Поповым... (два видных радикальных деятеля, союзники Ельцина. – Прим. ред.).

Но СССР сегодня, страна социализма, имеет пустые магазины...

Расскажу байку. На провинциальном съезде Советов крестьян оратор из кожи вон лезет, чтобы воодушевить слушателей, говорит о международной обстановке, о целях партии, о революции 17-го года. В какой-то момент один крестьянин толкает соседа локтем и говорит: «А колбасы нам на завтрак мало дали!» То же самое можно сказать и сегодня. Если бы хлеба и колбасы было вдоволь, многие из тех, кто колеблется, сомневается, жаждет новых путей, сказали бы: «Ладно, хлеба и колбасы хватает во всех, давайте идти дальше так, viva il comunismo!»

Энрико Франческини
Перевод
Михаила Бондаренко